

ИСТОРИЯ РОССИИ

ПОСЛАНИЕ В БУДУЩЕЕ: ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ ИЗ РОССИИ 1812–1813 ГГ. ИЗ ВПЕЧАТЛЕНИЙ СТУДЕНТА МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ЭРИКА ГУСТАВА ЭРСТРЕМА

Т. А. Андреева

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Биография финляндского студента, шведа по происхождению Эрика Густава Эрстрема и история публикации его дневника в основном восстановлены усилиями нижегородских историков, поэтому представляется интересным и целесообразным дать характеристику видовым особенностям и сюжетно-тематической структуре этого сочинения. Опираясь на текст дневника, автор анализирует совокупность впечатлений и рассуждений молодого человека, сформировавшегося в ином социальном, конфессиональном, национальном и интеллектуальном пространстве, что проступит в его оценках и поведении во время «путешествия». Материалы использованных дневниковых записей, отражающих обстоятельства эвакуации Московского университета, дают возможность представить маршрут продвижения в Нижний Новгород, объекты наблюдения автора и характер фиксации им своих визуальных впечатлений. Автором статьи обращается внимание на условия жизни Эрстрема, его физическое и моральное состояния при контактах с неизвестной ему культурно-цивилизационной средой. В статье обозначаются сферы и масштабы его познавательных интересов, историко-культурные предпочтения и характер их реализации в экстремальных реалиях военного времени. В качестве одной из задач статьи – реконструкция культурно-психологического облика автора дневника, его коммуникативных способностей в процессе межкультурного общения с представителями городского и крестьянского социума. Автор статьи выявляет объекты и содержание сравнительно-сопоставительных параллелей, изложенных в дневнике и касающихся разных граней российской цивилизации.

Ключевые слова: *Москва 1812 г., эвакуация Московского университета, финляндский студент Эрик Густав Эрстрем, Нижний Новгород, дневник, социокультурный портрет автора.*

В отечественной мемуаристике, посвященной 200-летию победы в Отечественной войне 1812 г., появился уникальный источник, который имеет не только познавательную ценность, но и расширяет современное исследовательское пространство для более детального изучения драматического периода в жизни России вообще и Нижнего Новгорода в частности – одного из исторических центров формирования российской государственности.

Речь идет о дневнике Эрика Густава Эрстрема «1812 год. Путешествие из Москвы в Нижний Новгород», опубликованном спустя 200 лет после его написания¹. Как бы предваряя знакомство читателей с оригинальным произведением, составители поместили на страницах университетского академического издания биографические данные Эрстрема и историю его дневника [12]. Это впервые осуществленное полное русскоязычное

издание его дневниковых заметок вкуче с объемным блоком «сопроводительного» материала, подготовленного нижегородскими историками. Структура издания содержит подготовленные ими вступительные статьи, насыщенные сведениями о неординарной биографии Эрстрема, историческими обстоятельствами формирования, выявления и публикации его дневниковых записей [13; 14]. Помимо этого ими предложена как общая характеристика «путешествия» в целом, так и его отдельных эпизодов. В издание включен также огромный комплекс комментариев, состоящих из нескольких приложений справочно-информационного характера и касающихся событий, фактов и лиц, упомянутых в дневнике и получивших авторские оценки [5; 11; 24]. Примечательно, что разъяснения и уточнения дневниковой фактологии, содержащиеся в них, опираются на общероссийский исторический контекст с обращением к материалам исследований по истории летописных свидетельств, историографических трудов, военной истории, историко-биографической информации и краеведческих материалов (топонимика, архитектура).

¹ Первые фрагменты из дневника Эрстрема «Для меня и моих друзей» (перевод Т. Тумаркиной, публикация М. Эрстрем) были опубликованы. См.: «Наше наследие». – 1991. – № 5. – С. 64–82.

Материал дневника еще не получил полноценного историографического освещения. Правда, сразу же после его публикации один из его составителей – А. А. Кузнецов – проанализировал источниковые составляющие дневника, сконцентрировав внимание на порой вольный характер использования Эрстремом летописного материала. Не без шутки можно сказать, что иностранец был «проэкзаменован» современным историком на знание российской истории [15]. Кроме этой статьи, подготовленной профессиональным историком, имеются лаконичные комментарии, «сопровождающие» первую публикацию фрагментов дневника [21]. Можно упомянуть и выборочное цитирование нижегородскими авторами отдельных характеристик Эрстрема, касающихся положения Нижнего Новгорода в 1812 г. [2; 16].

История появления Эрстрема в России уже не нуждается в дополнительном изучении: она имеет отношение к перипетиям Российской внешней политики начала XIX в. После русско-шведской войны (1808–1809) и включения Финляндии в состав Российской империи встал вопрос о русификации этого региона, обозначилась необходимость формирования специалистов по русскому языку из коренного населения. Автор дневника и оказался в числе первых студентов университета в Або, направленных в Московский университет для совершенствования познаний в русском языке. В начале дневниковых записей мы встречаем его характеристику учебной программы обучения, состоящей из дисциплин широкого профиля: «новобранцам» пришлось посещать лекции по славянской литературе и русскому языку, ботанике, химии, зоологии, минералогии, латыни и археологии. В кратком изложении Эрстремом обрисованы бытовые условия существования своего окружения и свойственная тому времени повседневная жизнь студентов. С акцентом на психологические личностные качества, индивидуальные методики преподавания и манеру общения со студентами Эрстрем представил небольшую группу университетской ученой корпорации – профессоров, в основном немецкого происхождения¹. Практически аналогичный образ преподавательского коллектива присутствует в современной исследовательской литературе по истории университетского образования в России [1; 20]. В галерее ученых университета особым почтением у Эрстрема будет пользоваться ректор Гейм, руководивший ходом эвакуации, разделявший с учащимися трудности дороги и выполнявший даже в Нижнем Новгороде некоторые адми-

нистративные функции². После нападения Наполеона правительство переместило в Нижний Новгород многие учреждения, органы власти, сюда же был направлен и Московский университет. В этом направлении будут продвигаться даже караваны семейных повозок российской аристократии. Именно таким образом Эрстрем оказался в Нижнем Новгороде. Первые записи в его дневнике появятся незадолго до подхода Наполеона к столице и будут продолжаться в течение всего продвижения к месту «дислокации» университета. Поэтому дневник Эрстрема с полным основанием можно отнести к комплексу путевых заметок, содержащих сведения о координатах местонахождения автора, портретные зарисовки его окружения, переживаемые события и время их фиксации. Автор и сам неоднократно идентифицировал себя с путешественником, а скоропалительное бегство из Москвы – с путешествием³. Сами по себе его записи, выдержанные в форме неторопливого рассказа, позволяют реконструировать картографическое пространство, в рамках которого пролегал маршрут продвижения к Нижнему Новгороду. Свое пристрастие к дневнику Эрстрем называет «графоманией», и подтверждением ее является методичность и педантичность внесения записей. Тематический охват событий начинается автором с описания ситуации, складывающейся в Москве при приближении французской армии с 11 (23) апреля 1812 г. Хроника эвакуации представлена событиями с 19 сентября (1 октября) 1812 г., а именно с момента выезда университетского «кортежа» в направлении Нижнего Новгорода. Конечной хронологической точкой является 31 марта (12 апреля) 1813 г. – время возвращения университетского сообщества в Москву. В дневнике сосредоточены 30 записей, из которых 15 касаются ситуации в Москве, 17 – продвижения до Нижнего Новгорода, а 24 содержат впечатления об этом городе.

С позиций академического источниковедения дневник Эрстрема как автокоммуникативный источник может быть отнесен к категории эго-документов [9; 22]. Он уникален по своему функциональному назначению, интересен по жанровому своеобразие, многообразен по объектам авторского внимания и приемам их описания, содержит совокупность индивидуальных наблюдений, впечатлений и рассуждений, отразившихся в рациональных рассуждениях и эмоциональных оценках. Необходимо подчеркнуть, что Эрстрем заранее (!) спланировал целевое предназначение

¹ Эрстрем. С.34-36.

² Там же. С.53.

³ Там же. С. 72, 76.

дневника и неоднократно упоминал о будущей читательской аудитории, которой могут быть интересны его впечатления о России. То есть уже авторским замыслом он был предназначен неким «неопределенным адресатам» и тем самым приобрел статус произведения «с отложенной публикацией» [7]. Практически в каждой главе Эрстрем говорит о познавательной важности увиденного «для меня и моих друзей», предлагает им взглянуть в картины русского равнинного пейзажа, приглашает будущую читательскую публику ознакомиться с условиями его жизни, зарисовками социального характера. Занимательно, что автор обращается к ним с пожеланием доброго утра. Более того, Эрстрем пытается даже прогнозировать возможные реакции своих «друзей» по поводу тех или иных собственных визуальных впечатлений¹. И так, не только удовлетворение собственного интереса движет составителем дневника, но и стремление сделать информацию востребованной потомками. Поразительно, насколько силен в нем инстинкт любознательности: несмотря на тяготы, трудности и испытания, успеть «разглядеть все, что ни попадет на глаза», все, что позволит обновить уже устоявшийся багаж знаний.

Значительная часть нарративной базы сочинения Эрстрема, как и всех источников этого вида, формировалась посредством авторской визуальной «регистрации» объектов, производивших на него впечатление. Дневник насыщен его рассуждениями, беседами, диалогами и своеобразными «интервью» с социальными типажми – «носителями» интересующей его информации. Сам по себе дневник, его содержание, художественная манера подачи материала, выстроенная галерея живописных образов – свидетельствует о личности автора, которого интересует буквально все: природа, крестьянское хозяйство, организация транспортного движения, города, российская и региональная история, общественная сфера и культура. Нельзя не обратить внимания на то, что автор выступает как непосредственный очевидец, проявлявший высокую степень включенности в события – это сопровождалось их фиксацией с последующими комментариями и оценками. Диапазон их достаточно широк: здесь соседствовали недоумение, удивление, юмор, сожаление, комплименты. Отдавая себе отчет в том, что оказался в незнакомой ему культурно-цивилизационной сфере, Эрстрем демонстрирует в целом спокойное отношение к объектам своего внимания. Как и любое индивидуальное сочинение, дневник несет на себе печать авторской самопрезентации,

содержание которой не может не свидетельствовать о личностных качествах автора, а в совокупности с другими характеристиками позволяет реконструировать его морально-этический и психологический портрет. Коммуникабельность авторской природы позволяла проникать в привлекающую его среду и наблюдать за жизнью всего социального сообщества: как его малых групп, так и отдельных личностей. Вообще, нельзя не оценить адаптационные способности Эрстрема, еще молодого человека, выросшего в условиях иной конфессиональной, национальной и социальной культуры. Как ни парадоксально, человек, переживающий невероятный для европейца дискомфорт и испытывающий ужасные бытовые условия, не выражает в отличие от своих спутников панических настроений. Наоборот, Эрстрем, по сути, пытается абстрагироваться от внешних обстоятельств и, не растворяясь в собственном «Я», сосредоточиться на изучении окружающей действительности. Даже не представляя себе, какие испытания ему придется преодолеть, он как человек оптимистичный и деятельный намеревался в дороге занять себя сборами образцов для будущего гербария! Примечательно, что отношение к экстремальным проявлениям повседневного быта и приключениям порой сдобрено у него философско-юмористическим отношением. Об этом свидетельствует множество записей. В зависимости от интереса автора к объектам внимания характер повествования варьируется в дневнике от пространного до лаконично-эпизодического. У автора отсутствуют всплески бурных эмоций, чувствуется некоторая отстраненность от наблюдаемых событий и персонажей, чему можно попытаться найти объяснение. Возможно, за этим кроются особенности скандинавского менталитета, «удерживающего в повиновении» его эмоциональное самовыражение. Однако возможна и другая версия: автор, озадаченный собственной установкой на качество восприятия материала будущей публикой, стремился соблюдать сдержанность и объективность в изображении российских реалий.

Информационный потенциал дневника представлен несколькими напластованиями, в основе главного из них преобладают личные авторские визуальные наблюдения с отражением их сквозь призму собственных оценок. Но обращает на себя внимание то, что часть изложенных в дневнике сведений не являются плодами собственных авторских суждений и наблюдений, а заимствована из других источников. По определению П. А. Зайончковского, это по своей природе вторичная

¹ Там же. С. 28, 88, 155.

информация [6]. В качестве одного из примеров можно привести переложение Эрстремом рассказа студента И. Фоглера о ситуации, сложившейся в Москве после вступления в нее французов¹. В дневниковых записях в качестве одного из источников информации присутствуют материалы современной автору политической публицистики. Речь идет о знаменитых «ростопчинских афишках», текст которых от 11 и 30 августа (№ 4 и 14) приведен на страницах дневника. На Эрстрема произвела впечатление стилистика прокламаций, так как текст был написан «на настоящем, так называемом простонародном, русском языке», чем Ростопчин «хотел успокоить обывателей». Автор не удержался, чтобы не ознакомить с подобным вариантом письменной речи своих друзей, ибо «стиль и манеры» обращения к населению «столь самобытны и оригинальны, что, думаю, вам доставит удовольствие прочесть»². Характерно, что многие представители русской знати обвиняли московского генерал-губернатора в шапкозакладательских уверениях, в намерениях завоевывать дешевый авторитет в бедных слоях населения³.

Повествование Эрстрема сформировано в условиях начавшегося военного противостояния России с Наполеоном, и это для автора – событие мирового значения. Неудивительно, что в дневнике лейтмотивом звучит сюжет «Воюющая Россия», который представлен в разных ипостасях: отношение к французской агрессии, соболезнование жителям Москвы, вынужденным спасаться скоропалительным образом, осознание необходимости сплочения всей нации, повседневная жизнь провинции в бытовом и морально-психологическом измерении. Им выражается сочувствие русскому народу, уверенность в его морально-психологической устойчивости и надежда на то, что силой русского оружия будет развенчан миф о непобедимости, военном гении Наполеона и его демонических качествах. Эрстрем высоко оценивает масштабы патриотического духа, охватившего все слои общества, что, по его словам, «делало честь русскому народу». Но во многом, как он полагал, это следствие пропагандистской кампании, адресованной разным слоям населения. Его внимание привлекло то, что апелляция к патриотическим чувствам образованных кругов общества проступала в репертуаре москов-

ских театров, где шли пьесы «воскресающие в памяти прошлые победы над врагами России». Патриотический настрой периодической печати Эрстрем иллюстрирует, процитировав в качестве примера «возбуждающее» начало статьи издателя «Русского вестника» С. Глинки: «Мы в войне с французами, и несмотря на то, проходя некоторые московские улицы, оборачиваясь во все стороны, невольно думаешь, что живешь, в Париже, а не в Москве». Известный русский литератор (кстати, он оказался в Нижнем Новгороде одновременно с Эрстремом) призывал к борьбе с «вредоносной франкофилией», «господствующей в среде русской знати и преобладающей в методах воспитания»⁴. Подобные позиции были свойственны не только одному С. Глинке⁵.

Между тем «русско-французская культурно-языковая среда» на рубеже XVIII–XIX вв. была «необычайно плодотворной» и так называемое двуязычие в русском образованном обществе являлось своеобразной нормой. Это убеждение одного из ведущих специалистов по истории общественно-политической мысли в России [19].

С некоторым удивлением Эрстрему пришлось наблюдать в Москве картины народного патриотизма, похожего, по его словам, «на умопомрачение». Патриотические настроения московских низов «подогревали» по его убеждению «ростопчинские афишки». В атмосфере повсеместного проявления франкофобии у Эрстрема и его товарищей появилась «опасность быть принятым за французов». Как он рассказывает,

⁴ Эрстрем. С. 44.

⁵ Позднее, уже после завершения антинаполеоновской эпопеи, ретроспективное отношение к галломании проявилось в двух историко-художественных произведениях, написанных в 1831 г. – А. С. Пушкиным и М. Н. Загоскиным [См.: Пушкин, А. С. Рославлев / А. С. Пушкин // Собрание сочинений в 10 томах. – М., 1962. – Т. 5. – С. 137; Загоскин, М. Н. «Рославлев или русские в 1812 году» / М. Н. Загоскин. – М., 1983. – 416 с.]. Роман М. Н. Загоскина общественностью был встречен холодно, а автор получил упреки в злоупотреблении «русской идеей», идеализации облика дворянства, преувеличении гармонии в межсловных взаимоотношениях. Позиция М. Н. Загоскина относительно реалий 1812 г. была адекватна тональностям выступлений С. Глинки. Своеобразный ответ М. Н. Загоскину попытался сделать А. С. Пушкин в незавершенной исторической повести «Рославлев», где в иронических тонах были воспроизведены формы избавления от галломании: «Гонители французского языка и Кузнецкого моста взяли в обществе решительный верх, и гостиные наполнились патриотами: кто высыпал из табакерки французский табак, и стал нюхать русский; кто сжег десяток французских брошюр, кто отказался от лафита и принял за кислые щи. Все закаялись говорить по-французски; все закричали о Пожарском и Минине и стали проповедовать народную войну, собираясь на долгих отправиться в саратовские деревни» [Пушкин, А. С. Указ. соч. С. 137].

¹ Там же. С. 115–117.

² Там же. С. 42–43, 50; Ростопчин, Ф. В. Афиши 1812 года, или дружеские послания от главнокомандующего в Москве к жителям ее. – URL: <https://yandex.ru/search/?text>.

³ Волконский, Д. М. Дневник за 1812–1814 гг. – URL: <http://www.imha.ru/1144525403-dnevnik-d.m.-volkonskogo-za-1812-1814-gody.html>.

стали массовыми расправы городской «черни», «простолодинов» со всем «чужим», поэтому возникла необходимость прикрепления к одежде опознавательных знаков. А немцам вообще было приказано «носить спереди на шляпах знаки, обозначающие, что они не французы». Со стихийными формами подозрительности к иностранцам Эрстрему и его спутникам приходилось сталкиваться на всем пути следования. Причем признаки «вычисления» врагов казались ему весьма условными: непривычная разговорная речь, элементы одежды, уличные вывески. Будучи в дороге, чтобы отвлечь от себя внимание, путники вынуждены были покупать и демонстративно грызть орехи – лакомство русских!

Драматические обстоятельства бегства и условия продвижения по бездорожью в направлении к Нижнему Новгороду тем не менее позволяли путникам обозревать русский ландшафт, который ассоциировался у них с «унылой безрадостной картиной», «унылым однообразием», безгранично простирающимися российскими равнинами, что вызывало чувство горести. И только при приближении к населенным пунктам природа как бы оживала: эти изменения Эрстрем впервые отметил, подъезжая к Владимиру. Как человеку европейской интеллектуальной культуры с ярко выраженными гуманитарными запросами ему интересно было ознакомиться с русскими городскими пейзажами. По пути к Нижнему Новгороду студенты проехали известные русские города (Москва, Владимир, Нижний Новгород), уездные центры (Богородск, Покров, Судогда, Муром) и множество сел и деревень, названия которых и датировка проезда зафиксированы в дневнике. Самым «отвратительным из всех виденных нами городов» он назвал Судогду: она произвела на него столь гнетущее впечатление, что «захудалая деревня в Швеции была бы худшим городом, нежели сия обитель несчастья». Численность этого города прозвучала из уст извозчика и ее Эрстрем отразил в названии главы: «Человек сто, включая свя¹. Оживление исследовательского азарта наблюдалось у него только при приближении к старорусским городам. Тогда приоритетным становится выяснение исторических обстоятельств их появления, что и мотивировало желание погрузиться в первоисточники.

Особый интерес Эрстрем продемонстрировал к истории Нижнего Новгорода и, видимо, этим и объясняется размещение в тексте дневника фрагментов летописных источников². Но города интеле-

ресовали его и как культурно-коммуникативные центры. Одним из критериев их значимости (как это можно предположить по тексту) являлось наличие или отсутствие книжной лавки. Во Владимире ему пришлось найти такую, но у книготорговца Философова ничего кроме романов в продаже не оказалось, и по этому поводу в шуточной форме Эрстрем оставил в дневнике запись: «Поскольку фамилия книготорговца была Философов, то можно предположить, что лавка хороша»³. В Нижнем Новгороде в связи с притоком беженцев книжная торговля пережила оживление, и в утешение Эрстрему кроме дешевых романов в магазинах появилась «ученая литература»⁴. Поскольку какая-либо дополнительная информация на этот счет отсутствует, трудно говорить о его интеллектуальных запросах и приобретениях. На всем пути следования Эрстрема не покидал интерес к совершенно неведомому ему крестьянскому социуму. Свои впечатления о крестьянской России автор сосредоточил в отдельной главе с абстрактным обозначением «Русская деревня». Деревня, которую он посетил, могла, по его мнению, дать «представление обо всех прочих деревнях» и стать собирательным образом селения с подробными зарисовками окружающей его природы, описанием улиц, внешнего вида крестьянских домов и их внутреннего убранства, а также социального представительства жителей. В целом Эрстрем вынес благоприятные впечатления о крестьянском селении, поделился ими с друзьями, не забывая при этом оттенять своеобразие деревенской бытовой культуры.

С позволения одного из крестьян Эрстрем, чуть ли не с этнографическим пристрастием осмотрев его дом и хозяйство, достаточно подробно обрисовал интерьер жилых покоев и кухонную утварь, найдя, что, в принципе, она ничем не отличается от посуды в шведских домах, только вот «ложки по большей части сделаны лучше, чем ложки наших крестьян, и покрыты лаком»⁵. Автор не дает оценки эффективности хозяйства, он всего лишь дотошно констатирует его параметры, упоминая, например, о наличии у каждого здешнего крестьянина по 2–3 коровы и 3–4-х лошадей. Очевидно, оценка достоверности этих данных может быть объектом исследовательского анализа. Однако с учетом критериев дифференциации крестьянства Европейской части России в 1-й половине XIX в. «обследованное» хозяйство

³ Эрстрем. С. 70.

⁴ Там же. С. 132.

⁵ Там же. С. 93.

¹ Там же. С. 70–73, 127–128.

² Там же. С. 106–107. Замечания по поводу непрофессиональ-

может быть отнесено к средней или зажиточной категории [18]. Эрстрема удивило состояние крестьянских полей, которые «не выдерживают никакого сравнения с нашими». Причины низкой урожайности земли он объясняет своим «дружьем» (очевидно, со слов собеседников) качеством почвы и отсутствием практики удобрения. Последнее обстоятельство вызвало у него недоумение: как будто жители деревни были несведущими «в этой отрасли хозяйства». Архаичными Эрстрем счел и методы обработки собранного урожая. Но следует подчеркнуть, что сравнительные аспекты реализованы им в спокойных тонах, без осуждения, назидательности и чувства национального превосходства¹. Эрстрему понравились предупредительные, учтивые и хлебосольные хозяева, он оценил их деликатную манеру общения с заезжим иностранцем и существо вопросов, заданных «человеку из другого мира». Его же, в свою очередь, заинтересовала система управления деревней, о структуре которой ему поведал кучер: «О, у нас начальников много». Судя по всему, Эрстрем здесь впервые столкнулся с феноменом крепостного права, получил представление о статусе крепостного крестьянина, сознание которого было замкнуто в пределах барской вотчины. Из своеобразного интервью кучера он получил заверение: «Мы никого не знаем, кроме нашего барина», а на вопрос об императоре последовал ответ: «Мы его не знаем. Не знаем, кто это такой»².

Вне всякого сомнения, можно говорить о высокой морально-психологической цене преодоления Эрстремом и его спутниками физических трудностей и даже опасностей, их сопровождающих: продвижение пешком или на повозках в непролазной грязи и по забитой беженцами дороге; контакты с подозрительными социальными типажам; унижительные поиски ночного убежища; ночевка в сене или в антисанитарных и малопригодных для жизни жилищах. Очень часто в дневнике фиксируется продовольственная проблема, которая буквально преследовала беженцев. Они перманентно находились в полуголодном состоянии и были зациклены на поисках еды. Гамму негативных чувств вызывают у автора отсутствие стационарной торговой сети, состояние продовольственного рынка, манеры обращения русских торговцев с покупателями, обилие знач-

¹ Там же. С. 91. Примечание: следует отметить, что в исторической литературе уже давно дано объяснение тому, что в силу географических и природно-климатических условий в российской культуре земледелия не сложились традиции систематического удобрения пашенной земли [16]

² Там же. С. 96.

ных мест, ассортимент продуктов в продаже и дороговизна питания. И опять, будучи человеком любознательным, с удивлением и опаской он не только знакомится с технологией приготовления некоторых блюд, но и, не довольствуясь лишь визуальными впечатлениями, решается выступить в роли дегустатора. Буквально гастрономический шок вызывают у него экзотические «зеленые щи» (крошеные листья капусты, мука, мясной бульон или просто вода) и черный хлеб, которые по его наблюдениям традиционно присутствовали в рационе питания жителей селений, через которые проходили обозы с беженцами. В конечном итоге он пришел к выводу о том, что любимым блюдом низших слоев русского провинциального населения являются именно зеленые щи. И, вообще, в культуре питания кроме них «воистину народным кушаньем являются соль да хлеб, что употребляются в пищу, вероятно, всегда»³.

Фактографическая насыщенность и «плотность» впечатлений будет характерна для дневника Эрстрема, когда он со своими спутниками вынужденно обоснуется в Нижнем Новгороде. Этот город «приютил» потоки беженцев из Москвы, стеснив местных жителей в их жилищах и поставив под вопрос продуктивное обеспечение населения. Нижний Новгород стал одним из государственных центров формирования резервных частей русской армии. Естественно, это не ушло из поля зрения автора дневника: он наблюдает процесс комплектования народного ополчения, его боевую подготовку, психологический настрой и ритуальную сторону проводов новобранцев в действующую армию. Во всем этнокультурном многообразии предстает перед ним структура воинских подразделений. Еще по дороге в Нижний Новгород путникам встретился отряд конных башкир, в бодром состоянии духа направлявшихся воевать. Уже тогда Эрстрема поразил диковинный облик этого средневекового воинства. Не меньшее удивление вызвала «своевольная толпа» татарских кавалеристов, которая проследовала через город, воинственно демонстрируя исторически-забытые образцы вооружения, пугая местных жителей и вызывая у них одновременно испуг и зубоскальство. Поразительным для Эрстрема станет произвол расквартированных в городе оренбургских казаков с их грубостью, угрозами, бесцеремонностью в обращении с местным населением.

В глазах Эрстрема эта военизированная масса вызвала сомнения в ее боевых качествах, выглядела как малоэффективная и не имеющая шансов

³ Там же. С. 59, 86, 97.

устоять перед вооруженной самым совершенным оружием французской армией. Ополчение идентифицировалось автором как этнологический феномен, вызывающий удивление и любопытство, поскольку перед ним предстала экзотическая и неизвестная ему языковая, поведенческая и культурно-этическая провинциальная культура¹. Находившемуся далеко от полей сражений Эрстрему все же пришлось столкнуться с такой драматической для любой войны страницей, как судьба военнопленных. Известно, что контингент армии Наполеона был полиэтничен и Эрстрему при неожиданных для себя обстоятельствах несколько раз довелось лицезреть эту этническую пестроту. Сложные и противоречивые чувства испытывает он, наблюдая за пруссаками, испанцами, англичанами, французами и подмечая их разное психологическое самочувствие: мрачность испанцев, апатию англичан, бодрость пруссаков, страх поляков, а самое жалкое и беспомощное состояние духа демонстрировали коренные французы. Несмотря на однозначное неприятие Наполеона и воюющей с Россией Франции, отношение к пленным окрашено у Эрстрема все же в гуманистические тона. В первую же встречу с колонной пленных жуткое впечатление на него произвел их внешний вид и проявления агрессии со стороны некоторых ополченцев-охранников. Но одновременно с этим он заметил осуждение подобной жестокости со стороны других ополченцев и их призывы к прекращению истязаний несчастных. Впоследствии неоднократно его удивляло проявление милосердия, сострадания к ним со стороны городского населения и даже официальных лиц². Другими словами, в условиях военного противостояния Эрстрему удалось наблюдать различные модели поведения вчерашних солдат.

Восприятие окружающей среды происходит у Эрстрема сквозь призму осознания военных реалий. «Батальная» сторона войны с изложением хода сражений и их исхода в дневнике отсутствует. Однако война воздействовала на атмосферу провинциального социума, и жизнь населения была подчинена нормам военного времени. Дистанцировался ли автор от сложившейся ситуации? Содержание дневника и явный подтекст рассуждений свидетельствуют, что он не игнорировал военную реальность, просто она проступала в другом измерении через фиксацию множества локальных фактов и примет времени. Эрстрем признает, что в экстремальных условиях люди демонстрируют поведение, не всегда

исходя из благородных и гуманных намерений. Практически на всем пути следования он отмечает традиционно сопутствующее всем войнам разложение сложившихся порядков: мародерство, спекуляции, воровство, откровенное вымогательство. Ему как образованному европейцу это не только бросалось в глаза – ему самому приходилось быть жертвой подобных проявлений. Визуальные наблюдения за этими картинами сопровождались, естественно, негативной эмоционально-психологической нагрузкой.

В тематической конструкции дневника наряду с практически ежедневными лаконичными записями увиденного, услышанного и прочувствованного присутствуют выходы на отдельные сюжеты и события, которые сосредоточены автором в автономных, самостоятельных частях. Главным образом, это касается Нижнего Новгорода, где Эрстрему до возвращения в Москву пришлось не только задержаться на несколько месяцев, но и вновь оказаться жертвой лишений. Как известно, зима 1812–1813 гг. была необычно морозной. Даже оказавшись в крупном по российским меркам городе, он почувствовал, что такое русский холод, и в образной форме описал свои ощущения: «Климат в комнате интересен своим разнообразием и зависит от того, в какой ее части находишься. Во время сна на полу находишься у Северного Ледовитого океана. Это понятно по дыханию (из рта идет пар). Сильный сквозняк вдоль пола сродни ветрам, свирепствующим на Северном полюсе. Если переместиться несколько выше, то голова окажется в зоне более мягкого климата, сравнимого с тем, что в Финляндии. Стоит усестись на стул, то почувствуешь себя в южных широтах. Ежели встать во весь рост, то согреешься теплом тропиков, а если встанешь на цыпочки, то голова ощутит душную жару экватора»³.

Вынужденно находясь в Нижнем Новгороде, Эрстрем «изучает» его как бы «изнутри». Проблематика наблюдений, впечатления, реплики и комментарии отложились в отдельных главах дневника. По поводу их тематического обозначения не совсем ясно, чем руководствовался автор, формулируя их названия: в одних случаях они не требуют разъяснений, а в других – метафорический стиль нуждается в смысловой расшифровке. Например, в структуре дневника присутствуют

³ Там же. С. 155. Кстати, через четверть века другой иностранец в своих сенсационных мемуарах с антироссийским содержанием тоже отметил, что местоположение «Нижнего Новгорода красивее всего виденного» в России и рельеф местности находится в гармонии «с русской национальной архитектурой». См.: Кюстин, А. Николаевская Россия: 1839 / А. Кюстин. – М., 1990. – С. 279–280.

¹ Там же. С. 86–87, 131, 134, 134, 171.

² Там же. С. 74, 135, 136.

главы с такими названиями, как «Русские солдаты и пленные французы», «Коровы танцуют на снегу», «Заплетись, моя коса», «Иконы, богослужение и священники православной церкви», «Сбрей бороду, старовер», «Русские погребальные обряды», «За успех русского оружия», «Впусти нас, старуха, не то мы выломаем дверь», «Шведский адмирал» и др. Не оставляет сомнений, что Эрстрем понимал и чувствовал стилистику русского языка и устного народного творчества.

Знакомясь с городом, автор как истинный путешественник фиксирует в дневнике планировку города, уровень его благоустройства и своеобразие местной национальной архитектуры. Он делится со своими «друзьями» – будущими читателями – информацией об общественно-культурных и религиозных центрах, административных зданиях, внешнем виде и интерьере жилых помещений разных групп населения. И, как всегда, по ходу повествования «друзья» приглашаются на экскурсии по исторически-значимым местам города: его восхищает Кремль и как сам по себе архитектурный памятник, и как часть городского пространства.

Московский студент стремится постичь своеобразие бытовой культуры и уклад жизни разных социальных групп провинциального губернского города: местного начальства, купцов, мещан, трактирщиков, солдат, женщин. На страницах дневника присутствуют описания внешнего вида нищих, «промышляющих подаванием», среди которых были и преступники, подвергающиеся перед отправкой в Сибирь «бесчеловечным наказаниям». Картины этих экзекуций, страдания «горемычных» ужасали Эрстрема¹. Автор – коммуникабельная и, судя по тексту, незакомплексованная личность. Он не только визуально подмечает проявления разных граней городской жизни, но и, благодаря собственной активности и инициативности, сам погружается в ее атмосферу. Эрстрем удостоился чести быть приглашенным в дома местного «высшего общества», пообщаться с его представителями в неформальной обстановке. Он знакомится с образованной «интеллигентной» частью городской публики, периодически навещая дома местного аптекаря Эвениуса, коллежского секретаря Я. Я. Загарина, титулярного советника А. И. Ягодинского, архитектора И. И. Мезецкого и некоторых купцов. Эрстрем стал завсегдаем в доме Ягодинских, приняв приглашение хозяина «пить чай каждое утро и всякий вечер» и посещать их, «когда вам будет скучно»². В первый же вечер он «как

на экзамене» отвечал не только на вопросы «об укладе жизни на моей родине», ему пришлось удовлетворить интерес присутствующих к его одежде, сшитой из схожих с российскими тканей. Без тени смущения он реагирует на женское любопытство касательно европейских фасонов одежды, моды, косметики. В процессе общения, можно сказать, выявились национально-исторические и эстетические критерии женской красоты. Дискуссионным стал вопрос об употреблении женщинами румян и белил! По мнению Эрстрема неестественно и неразумно «с помощью разных средств менять природную свою прелесть»³. И, наоборот, для его собеседницы – пожилой русской женщины – «краситься было модой». Ею же был вынесен приговор своим дочерям, замышлявшим изменить традиции: «пока я жива, они будут делать это». В том же, в «настоящем», «истинно-русском», доме у А. И. Ягодинского Эрстрему удалось побывать на вечеринке, где представилась возможность увидеть и в дневнике описать сценарий этого действия. Ему показалось занятным обязательное для мужчин употребление бокала вина, причем под контролем хозяйина; он оценил специфический вид десерта для дам, который был представлен орехами, изюмом, черносливом, засахаренными клюквой и черникой, медом. Одним из заинтересовавших Эрстрема развлечений гостей стало музицирование на скрипках, гусях и других неизвестных музыкальных инструментах, а также пение народных песен, игры, своеобразные танцы отдельных гостей. Он отметил доброжелательность хозяина и раскованность в общении гостей, атмосферу всеобщего веселья взрослых и детей, мужчин и женщин. Во всем этом Эрстрем увидел проявление национального этикета, во многом неформального и не имеющего точек соприкосновения с европеизированными стандартами развлечений столичных беженцев. «Вечер закончился ужином в 12 часов ночи. На стол поставили хорошее вино. Были паштет, икра, лосось, хлеб и мясо. Все выпили и хорошо закусили»⁴. Этим завершает Эрстрем описание вечеринки. Заметим, что здесь отсутствуют какие-либо комментарии по поводу гастрономических контрастов в национальной кухне: пищи простолюдинов, с которой состоялось его знакомство в дороге и изобилия блюд на столе местной «благородной публики». И это в то время, когда город, в том числе и знатные беженцы, испытывали нехватку продовольствия. При склонности к выявлению сравнительных па-

¹ Эрстрем. С. 106

² Там же. С. 141.

³ Там же. С. 143.

⁴ Там же. С. 148-149.

раллелей наблюдательный Эрстрем не мог все же этого не заметить. Но это всего лишь предположения ретроспективного плана.

В описаниях Эрстрема каждый дом являл собой самодостаточный культурный облик. Ему бросилось в глаза, что семья аптекаря (немца по происхождению) так и не адаптировалась в России: «никто из них не перенял ни русских обычаев, ни русского образа жизни. Они до мозга костей немцы, а шведы и немцы наполовину братья»¹. И во взаимоотношениях членов семьи, и их знакомых даже в неформальной обстановке Эрстрем увидел проявление чопорности, холодности и статусных форм обращения.

Там же, в Нижнем Новгороде, автор дневника встретил новый 1813 г. и смог ознакомиться со многими русскими обычаями празднования Рождества, дать пространное описание проявлений веселой религиозной праздничной культуры. Жизнерадостный студент принимал непосредственное участие во многих мероприятиях, где в полной мере проявились его коммуникативные качества: «Мы собирались вечером, играли и танцевали до полуночи и позже «полонезы, англезы и кадрили», играли в игры, «такие же как у нас», но «почти все игры – с фантами» и «в большинстве из них» «были поцелуи». «Я целовался с нижегородскими девушками до боли в губах. Русские девушки берегут губы, но во время рождественских игр целоваться разрешено». Автор настолько раскрепостился в женском обществе, что попытался ознакомить своих знакомых со шведскими рождественскими играми. Однако в кампании нашлись такие дамы, которые расценили это как проявление греха: ведь шведы – «не православные христиане»². Эрстрем предлагает своим «друзьям» знакомство и с другими событиями религиозной жизни населения: так, довольно обстоятельно описываются им формы и пределы самоограничения верующих в пищу и развлечения во время великого поста. И, наоборот, кажется, с удовольствием он говорит о масленичной неделе, с ее атмосферой веселья, когда и сам ходил по гостям, где «ел», «пил, «танцевал» и в качестве зрителя присутствовал на домашних спектаклях в домах знатных горожан. Можно обратить внимание на заключительную ремарку автора, которому «особое удовольствие доставляли нижегородские купцы с празднично одетыми женами, нарумянными и набеленными»³.

¹ Там же. С. 102.

² Там же. С. 159-160.

³ Там же. С. 176.

Появление беженцев, вынужденно «посягнувших» на архаичные формы жизни провинциального города, внесло оживление в его культурную обстановку. По описаниям Эрстрема, Нижний Новгород уже не выглядел замкнутым пространством: с начала 1813 г. становится востребованной газета «Московские ведомости», приезжая аристократия активно общается с местными образованными кругами, известные русские литераторы планируют издания поэтических сборников. Меняется и сам характер публичных развлечений. Эрстрем побывал на карнавале в помещении дворянского собрания, но «о присутствующих» ему оказалось, «сказать нечего», потому что все они «были московскими беженцами благородного происхождения». Критическая оценка прозвучала у него в адрес большинства дам, одетых в «богато вышитые костюмы», не отличавшиеся собой оригинальностью». И еще ему бросилось в глаза, что «всюду звучала французская речь»⁴. Из светских развлечений для европеизированной публики Эрстрему удалось попасть на спектакль «Женский заговор» в исполнении труппы известного театра графа Шаховского [4]. Узнав о крепостном состоянии актеров (с удивлением и горечью – это чувствуется из контекста), Эрстрем определил их амплуа следующим образом: «Днем они прислуживают ему [князю. – Т. А.] за столом или стоят на запятках его экипажа, а вечером играют в театре князей»⁵. В репертуаре театра были не только драматические, но и балетные спектакли, один из которых посмотрел и Эрстрем. Своими впечатлениями в дневнике он не поделился, но заметил, сколь поражены танцами были местные зрители.

Скоропалительное бегство из Москвы нанесло Эрстрему большой ущерб: ему пришлось расстаться со значительным объемом предметов быта и, главное, библиотеки. Масштабы этих материальных и интеллектуальных потерь представлены им в форме подробного списка, в котором значились гербарии, рукописи и 43 разножанровых печатных издания. Тематика их говорит о широте его исследовательских запросов. Особенно сокрушался Эрстрем по поводу утрат крайне необходимых учебников по русскому языку, грамматике и поэзии. Поэтому совершенствование в русском языке у Эрстрема произошло хотя и в русскоговорящей среде, но в экстремальных условиях военного времени. В ходе этой «практики» ему представится возможность углубиться в изучение литературного языка, столкнуться с феноменом русской разговорной

⁴ Там же. С. 152–153.

⁵ Там же. С. 151–152.

речи в проявлениях столичного, нижегородского и крестьянского диалектов. Познавательная парадигма у Эрстрема будет нацелена на то, чтобы «дополнительно поупражняться» в русском языке». В течение всего повествования он восхищается его богатством, восторженно отзывается о «чарующей» песенной и музыкальной культуре русского народа, для которого пение равноценно «любимому времяпровождению»¹.

В дневниковых записях присутствует обращение к русской поэзии, представленной, в частности, несколькими стихотворениями Н. Карамзина. Одно из них – «К соловью», написанное в духе меланхолии и печали, не могло не соответствовать минорным настроениям Эрстрема, что было естественным в переживаемых им обстоятельствах. Другое – «К прекрасной», наоборот, лирико-романтическое по духу, могло сопутствовать приподнятому настроению автора дневника, навеянному невинным романом с нижегородской девушкой. Заметно стремление Эрстрема к «собирачеству» произведений устного народного творчества, о чем говорит присутствие на страницах дневника текстов русских народных и девичьих песен в рождественские хороводы и гадания. Как свою находку он оценил народную песню «Прощание», разместил ее в дневнике, сделав уточнение, что она предназначена «для вас» [друзей. – Т. А.] и переведена непосредственно им. В дневник включен также текст марша нижегородских ополченцев, отправляющихся на фронт, что стало открытием для современных местных краеведов [15]. Без каких-либо сопровождающих комментариев Эрстрем приводит собственный перевод стихотворения «Песня Волге московских беженцев», которое фигурирует в литературе под названием «К нижегородским жителям» и принадлежит В. Л. Пушкину, оказавшемуся, как и многие москвичи, в Нижнем Новгороде [2].

Обращает на себя внимание интерес автора к манерам и формам обращения русских друг к другу: эта тема присутствует в специальной главе «Ваше высокоблагородие, любезный». По ряду параметров он сопоставил русский и шведский языки, нашел, что последний насыщен множеством тяжеловесных оборотов и нелепых титулов. В сравнении с ним русский язык в значительной степени свободен от этого и богат разными формами в обращении. В качестве примеров он перечисляет образцы официальной и обыденной речи, говорит о воздействии гендерных и родственных связей на лексические формы во взаимобращении людей. Особенно

стью русского языка Эрстрем называет и то, что в нем присутствуют ласково-уменьшительные и сердечные выражения (сударыня, голубчик, барышня, батюшка, Машенька и др.). Во взаимобращении крестьян он также заметил любезные манеры «приветствовать друг друга». В данном случае налицо выход Эрстрема на сопоставление русского и шведского языков в крестьянской среде: они оба отличаются «от общепринятого служащего средством общения». Но одновременно он увидел, насколько русский язык вобрал в себя большой объем ругательств с оскорбительным смыслом, недопустимым для шведского. Нужно все же иметь в виду, что «речевая практика» автора была недолговременной и проходила в достаточно узком социальном кругу носителей русского языка из других сословий².

В Нижнем Новгороде Эрстрем попытался по максимуму собрать информацию о религиозной культуре проживающих здесь православных, староверов и лютеран, беседовал со служителями и верующими разных конфессий, наблюдал обрядовую сторону официального богослужения и повседневного выражения религиозных чувств. Он не стал исключением из всех иностранцев, посещавших по разным поводам Россию и интересовавшихся институтом официальной православной церкви, ее ролью в государственной и общественной жизни. Очевидно, что любознательный Эрстрем, лютеранин по вероисповеданию, не мог игнорировать эту составляющую исконно российской духовной культуры. Еще по дороге в Нижний Новгород, проезжая населенные пункты, он разными путями выявлял количество церквей в каждом из них и по возможности посещал некоторые. В Муроме его ознакомили с мужским и женским монастырями, где он наблюдал за некоторыми элементами церковного церемониала. В ходе своего путешествия Эрстрем демонстрировал особый интерес к православной иконописи, будь то иконы с ликами святых покровителей, встречающиеся при въезде в каждое селение, или лавка ремесленников в торговых рядах Гостиного двора в Нижнем Новгороде, заполненная «выставленными на продажу иконами». Осматривая их, каких-либо комментариев по поводу того, «что они ценятся не больше, чем другие картины» и приобретут статус святости только после особой церемонии, он не оставил³. Вполне понятны его побудительные мотивы предложить своей будущей аудитории (лютеранской по вероисповеданию) целую главу дневника, но не с «церков-

¹ Там же. С. 30, 70, 97 123–125.

² Там же. С. 93, 97–100.

³ Эрстрем. С. 106.

ной историей», а с собственным уже сложившимся отношением к «православной религии».

В целом знакомство с православной культурой во всех ее проявлениях вызвало у него противоречивые чувства. Находясь в православной церкви, осматривая ее величественное внутреннее убранство, Эрстрем был изумлен самим ходом торжественного богослужения в праздник Крещения: этот церемониал, по его словам, мог произвести «необычное впечатление на человека чувствительного»¹. Однако, подметил он, богослужение идет на древнерусском языке, который мало кто понимает и особенно непонятен он московским господам и дамам, «больше изучавшим французский, нежели русский, и, возможно, не читавшим на родном языке ничего, кроме переведенных с французского непристойных романов»². Можно предположить, что уже сам факт идентификации исторической версии русского языка может свидетельствовать о познаниях Эрстрема в русско-язычной культуре.

Критическое отношение в ходе богослужения вызвали у него песнопения – этот, по его оценке, «набор бессвязных, нечетко произносимых слов», отчего «богослужение может иметь формальный характер». При чтении дневника неожиданным выглядит появление на его страницах нарисованного Эрстремом портрета православного священника – внешне неприглядного, малограмотного, материально зависимого от прихожан, позволяющего себе нарушать морально-этические нормы и ограниченного в социальном общении³. Вряд ли можно определить, какими источниками располагал автор, формируя подобный образ: ведь эти сведения не могли быть результатом его наблюдений. Единственно, о чем он упоминает – это общение со священниками, которые охотно беседовали с ним, демонстрируя при этом робость и опасения «согрешить». У Эрстрема эти люди вызвали одновременно любопытство и сочувствие. В том же массиве информации, касающейся православной церкви, Эрстрем тезисно перечисляет религиозные качества русского человека, который набожен, преклоняется перед нарисованными иконами, осеняет себя крестом, входя в помещение, садясь за стол, приступая к трапезе, ложась спать и проходя мимо церкви. Вот эта сила богобоязненности, сделал вывод Эрстрем, и является основой глубокого суеверия русского крестьянства, которое сковывает его, подобно цепям. Завершая рассуждения на эту

тему, выход из этой ситуации он находил в развитии просвещения, «взращенному при Александре и Екатерине II». Друзья-читатели дневника будут иметь возможность ознакомиться и с другим открытием Эрстрема в православном церемониале: на сей раз через детальную характеристику погребального обряда похорон губернатора. Саму панихиду он идентифицировал как «высокопарное», «хвалебное» действо.

Лишь незначительная часть дневникового текста отдана автором под описание своих контактов с лютеранской общиной и ее взаимоотношений с пастором. В основе дискуссии среди членов общины фигурировал вопрос: должен ли пастор читать «собственно написанные проповеди» или «напечатанные проповеди других проповедников»? Позиции обеих сторон будут прокомментированы Эрстремом в юмористическом ключе. Комичным в дневнике выглядит поведение пастора во время богослужения, который выпадение свечи из люстры расценил как угрозу «бездумным требованиям» паствы и благословение господина на чтение собственных проповедей⁴.

Поразительно, но Эрстрем быстро нашел общий язык с хозяином старообрядческого дома и у них установились дружеские отношения. Его очень заинтересовала история раскола некогда единой православной русской церкви, суть и обрядовая сторона старообрядческого вероисповедания. Будучи в Нижнем Новгороде ему пришлось столкнуться с ненавистью между истинно-православными и староверами. Пообщавшись в этой семье, ознакомившись с ее внутренними «правилами жизни», бытовой обстановкой Эрстрем квалифицировал образ жизни этого дома как изолированный от большого сообщества, честный, аскетический, сопряженный с трудом, самоограничениями, строжайшим соблюдением обрядов и бытовых норм поведения⁵. Судя по всему, общение с этой семьей оставило у Эрстрема благоприятное впечатление: он с удовлетворением почувствовал взаимное расположение⁶.

Резюмируя сказанное, есть, по-моему, основание утверждать, что содержание дневника Эрстрема, его информативный потенциал являются собой историко-антропологический ресурс, который может представлять интерес для меж-

⁴ Там же. С. 146.

⁵ Там же. С. 170-171.

⁶ Замечу, что московская старообрядческая община будет являться одним из источников пополнения русской промышленной буржуазии (династии Морозовых, Бахрушинных, Щусевых, Гучковых, Алексеевых и др.) Их жизненные принципы, моральные и трудовые ценности имели точки соприкосновения с европейским протестантизмом.

¹ Там же. С. 163–164.

² Там же. С. 165.

³ Там же. С. 166.

дисциплинарного изучения локальной истории. В данном случае, истории нижегородского края. В процессе ведения дневника Эрстрем не мог не рефлексировать по поводу содержания и характера своих наблюдений и этому во многом способствовала его натура, ее интеллектуальное и психологическое выражение. Заметно, как стремился автор отыскать и постичь «истинно-русское» в окружающем его социальном, временном и территориальном пространстве, найти объяснения и трактовку цивилизационного своеобразия страны. В целом же тематический диапазон, объем сопоставлений и ассоциаций в дневнике незначи-

телен, суть сравнений обозначается корректно и не всегда они в пользу шведских и европейских образцов и стереотипов. Вынужденно оказавшийся в условиях иной историко-культурной реальности, не отторгая ее и признавая за ней право на самобытность, он выражает уважительное отношение к России, у него отсутствуют резкие по тону противопоставления и назидательность. Страницы дневника свободны от заведомо высокомерного проецирования параметров жизни европейского социума на российскую действительность, чем наполнены заметки многих иностранных авторов.

Список литературы

1. Андреев, А. Ю. Московский университет в общественной и культурной жизни России начала 19 века / А. Ю. Андреев. – М., 2000. – 312 с.
2. Белоногова, В. Ю. Отечественная война 1812 года и Нижний Новгород (Литературный аспект) / В. Ю. Белоногова // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2013. – № 1. – URL: [https://yandex.ru/search/?text_West_2012_6\(3\)/15.pdf](https://yandex.ru/search/?text_West_2012_6(3)/15.pdf). – Дата обращения: 10.07.2016.
3. Бушуева, С. В. Русский дневник Эрика Густава Эрстрема: начало изучения в России / С. В. Бушуева, Е. А. Григорьева // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2013. – № 4(3). – С. 134–177.
4. Данилов, С. С. Очерки по истории русского драматического театра / С. С. Данилов. – М.-Л., 1948. – 587 с.
5. Дроздов, Ф. Б. Нижегородское ополчение в Заграничном походе 1813–1814 гг. / Ф. Б. Дроздов // Эрстрем, Э. Г. Путешествие из Москвы в Нижний Новгород. – Нижний Новгород, 2013. – 213 с.
6. Зайончковский, П. А. История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах / П. А. Зайончковский. – М., 1977. – Т. 2., ч. 1. – 367 с.
7. Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники российской истории / В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. – М., 1998. – 702 с.
8. Источниковедение / отв. ред. М. Ф. Румянцева. – М., 2015. – 685 с.
9. Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика / под ред. А. К. Соколова. – М., 2004. – 687 с.
10. История в эго-документах. Исследования и источники. – Екатеринбург, 2014. – 368 с.
11. Кирьянов, И. А. Москва и Нижний Новгород в 1812 г. / И. А. Кирьянов // Эрстрем, Э. Г. Путешествие из Москвы в Нижний Новгород. – Нижний Новгород, 2013. – 293 с.
12. Коваленко, Г. М. Нижний Новгород в 1812 г. глазами финляндского студента / Г. М. Коваленко, А. А. Кузнецов // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2012. – № 6 (3). – С. 100–105.
13. Коваленко, Г. М. Эрик Густав Эрстрем / Г. М. Коваленко // Эрик Густав Эрстрем. Путешествие из Москвы в Нижний Новгород». – Нижний Новгород. 2013. – 293 с.
14. Кузнецов, А. А. Дневник Эрика Густава Эрстрема: Путешествие из Нижнего Новгорода 1812 года в Нижний Новгород 2012 года / А. А. Кузнецов // Эрстрем, Э. Г. Путешествие из Москвы в Нижний Новгород. – Нижний Новгород, 2013. – 293 с.
15. Кузнецов, А. А. Эрстрем в 1812–1813 гг.: географическое путешествие из Москвы в Нижний Новгород vs экскурс в историю России / А. А. Кузнецов, Э. Г. Путь // Мир историка. Историографический сборник. – Омск, 2014. – Вып. 9. – С. 176–200.
16. Медведева, А. А. К 200-летию Отечественной войны 1812 года / А. А. Медведева. – URL: [http://www.unn.ru/pages/issueshttp://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99999999_West_2012_6\(3\)/15.pdf/vestnik/9](http://www.unn.ru/pages/issueshttp://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99999999_West_2012_6(3)/15.pdf/vestnik/9). – Дата обращения: 07.01.2016.
17. Милов, Л. В. Велико-русский пахарь и особенности российского исторического процесса / Л. В. Милов. – М., 1998.
18. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) / Б. Н. Миронов. – М., 1999. – Т. 1. – 548 с.

19. Парсамов, В. С. Декабристы и культурно-политические традиции Франции конца 18-начала 19 в. / В. С. Парсамов. – Саратов, 2002. – 39 с.
20. Петров, Ф. А. Складывание системы университетского образования в России / Ф. А. Петров // Университет Для России / под ред. В. В. Пономаревой, Л. Б. Хорошиловой. – М., 2001. – Т. 2. – 368 с.
21. Рогинский, В. Дневник финляндского студента. Эрстрем Э. Г. Для меня и моих друзей / В. Рогинский // Наше наследие. – 1991. – № 5. – С. 5–7.
22. Тартаковский, А. Г. Русская мемуаристика 18 – 1-й половины 19 века / А. Г. Тартаковский. – М., 1991. – 288 с.
23. Троицкий, Ю. Л. Аналитика эго-документов: инструментальный ресурс историка / Ю. Л. Троицкий // «История в эго-документах. Исследования и источники. – Екатеринбург, 2014. – С. 16.
24. Хорошкин, Я. М. Письмо Н. М. Карамзина из Нижнего Новгорода (январь 1813 г.) / Я. М. Хорошкин, А. В. Морохин // Эрстрем, Э. Г. Путешествие из Москвы в Нижний Новгород. – Нижний Новгород, 2013. – 293 с.
25. Эрстрем, Э. Г. Путешествие из Москвы в Нижний Новгород» / Э. Г. Эрстрем. – Нижний Новгород, 2013. – 293 с.

Сведения об авторе

Андреева Таисья Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и зарубежных стран историко-филологического факультета, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия.
andreeva.idr@mail.ru

Magistra Vitae.
2016. No 2. P. 7–21.

THE MESSAGE IN THE FUTURE: DIARY ENTRIES FROM RUSSIA 1812–1813 (the impressions of the Moscow university student Erik Gustav Erstrom)

T. A. Andreyeva

Chelyabinsk state university, Chelyabinsk, Russia. andreeva.idr@mail.ru

The biography of the Finland student, of Swede origin, Erik Gustav Erstrom and the history of the publication of his diary are mostly restored by the efforts of Nizhny Novgorod historians. Therefore it seems to be interesting and reasonable to characterize the specific features and thematic structure of this work. Basing on the diary text, the author analyzes a set of experiences and reasoning of the young man, formed in a different social, religious, national and intellectual space, which would be reflected in his evaluations and behavior during the “journey”. The materials of his diary, reflecting the circumstances of the Moscow University evacuation, provide an opportunity to imagine a route to Nizhny Novgorod, the author’s observations, and the way how he expressed his visual impressions. The author of the article draws attention to the living conditions of Erstrom, his physical and moral condition when contacting with unknown cultural and civilizational environment. The article identifies the scope and scale of his cognitive interests, cultural preferences, and how they were implemented in extreme wartime. One of the article objectives is to reconstruct the cultural and psychological character of the diary author, his skills to communicate with representatives of urban and peasant society in cross-cultural communication. The author reveals the objects and content of comparative parallels, which are related in the diary and connected with different sides of the Russian civilization.

Keywords: *Moscow 1812, the evacuation of Moscow University, the Finnish student Eric Gustav Erstrom, Nizhny Novgorod, diary, socio-cultural portrait of an author.*

References

1. Andreyev A.Yu. *Moskovskij universitet v obshhestvennoj i kul'turnoj zhizni Rossii nachala 19 veka* [The Moscow university in public and cultural life of Russia the beginnings of the 19th century]. Moscow, 2000. 312 p. (In Russ.).
2. Belonogova V.Yu. Otechestvennaja vojna 1812 goda i Nizhnij Novgorod (Literaturnyj aspekt) [Patriotic war of 1812 and Nizhny Novgorod (Literary aspect)]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Nizhny Novgorod university of N.I. Lobachevsky], 2013, no. 1. Available at: [https://yandex.ru/search/?text=West_2012_6\(3\)/15/15.pdf](https://yandex.ru/search/?text=West_2012_6(3)/15/15.pdf). (In Russ.).
3. Bushuyeva S.V., Grigoryeva E.A. Russkiy dnevnik Erika Gustava Erstrema: nachalo izucheniya v Rossii [Russian blog Erik Gustav Erstrema: the beginning of the study in Russia]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Nizhny Novgorod university of N.I. Lobachevsky], 2013, no. 4 (3), pp. 134–177. (In Russ.).
4. Danilov S.S. *Oчерки по истории русского драматического театра* [Sketches on history of the Russian drama theater]. Moscow-Leningrad, 1948. 589 p. (In Russ.).
5. Drozdov F.B. Nizhegorodskoe opolchenie v Zagranichnom pohode 1813–1814 gg. [The Nizhny Novgorod militia in the Foreign campaign of 1813–1814]. Erstrem E.G. *Puteshestvie iz Moskvy v Nizhnij Novgorod* [The Travel from Moscow to Nizhny Novgorod]. Nizhny Novgorod. 2013. 293 pages. (In Russ.).
6. Zayonchkovsky P.A. *Istorija dorevoljucionnoj Rossii v dnevnikah i vospominanijah. Annotirovannyj ukazatel' knig i publikacij v zhurnalakh* [History of pre-revolutionary Russia in diaries and memoirs. The annotated index of books and publications in magazines]. Moscow, 1977, vol. 2, ch. 1. 367 p. (In Russ.).
7. Rumyantsev M.F. (ed.). *Istochnikovedenie. Teorija. Istorija. Metod. Istochniki rossijskoj istorii* [Source study. Theory. History. Method. Sources of the Russian history]. Moscow, 1998. 702 p. (In Russ.).
8. Rumyantsev M.F. (ed.). *Istochnikovedenie* [Source study]. Moscow, 2015. 685 p. (In Russ.).
9. Sokolov A.K. (ed.). *Istochnikovedenie novejshej istorii Rossii: teorija, metodologija, praktika* [Source study of the contemporary history of Russia: theory, methodology, practice]. Moscow, 2004. 687 p. (In Russ.).
10. *Istorija v jego-dokumentah. Issledovanija i istochniki* [History in an ego-documents. Researches and sources]. Yekaterinburg, 2014. 368 p. (In Russ.).
11. Kiryanov I.A. Moskva i Nizhnij Novgorod v 1812 g. [Moscow and Nizhny Novgorod in 1812]. Erstrem E.G. *Puteshestvie iz Moskvy v Nizhnij Novgorod* [The Travel from Moscow to Nizhny Novgorod]. Nizhny Novgorod, 2013. 293 p. (In Russ.).
12. Kovalenko G.M., Kuznetsov A.A. Nizhnij Novgorod v 1812 g. glazami finlyandskogo studenta [Nizhny Novgorod in 1812 through the eyes of Finnish student]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Nizhny Novgorod university of N.I. Lobachevsky], 2012, no. 6 (3), pp. 100–105. (In Russ.).
13. Kovalenko G.M. Jerik Gustav Jerstrem [Eric Gustav Erstrem]. Erstrem E.G. *Puteshestvie iz Moskvy v Nizhnij Novgorod* [A travel from Moscow to Nizhny Novgorod]. Nizhny Novgorod, 2013. 293 p. (In Russ.).
14. Kuznetsov A.A. Jerik Gustav Jerstrem [Eric Gustav Erstrem's Diary: A travel from Nizhny Novgorod of 1812 to Nizhny Novgorod of 2012]. Erstrem E.G. *Puteshestvie iz Moskvy v Nizhnij Novgorod* [The Travel from Moscow to Nizhny Novgorod]. Nizhny Novgorod, 2013. 293 p. (In Russ.).
15. Kuznetsov A.G. Jerstrem v 1812–1813 gg.: geograficheskoe puteshestvie iz Moskvy v Nizhnij Novgorod vs jekskurs v istoriju Rossii [E.G. Ekstrem's way in 1812–1813: a geographical travel from Moscow to Nizhny Novgorod vs digression to history of Russia]. *Mir istorika. Istoriograficheskij sbornik* [The World of the historian. Historiographic collection], iss. 9. Omsk, 2014. 507 p. (In Russ.).
16. Medvedeva A.A. K 200-letiju Otechestvennoj vojny 1812 goda [To the 200th anniversary of the Patriotic War of 1812]. Available at: [http://www.unn.ru/pages/issueshttp://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99999999_West_2012_6\(3\)/15.pdf/vestnik/9](http://www.unn.ru/pages/issueshttp://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99999999_West_2012_6(3)/15.pdf/vestnik/9). (In Russ.).
17. Milov L.V. *Veliko-russkijpahar' i osobennosti rossijskogo istoricheskogo processa* [The Ploughman of Great Russia and the Peculiarities of the Russian Historical Process]. Moscow, 1998. 573 p. (In Russ.).
18. Mironov B.N. *Social'naja istorija Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.)* [Social history of Russia of the period of the empire (XVIII – the beginning of XX v.)], vol. 1. Moscow, 1999. 548 p. (In Russ.).
19. Parsamov V.S. *Dekabristy i kul'turno-politicheskie tradicii Francii konca 18-nachala 19 v.* [Decembrists and cultural and political traditions of France of the end 18 beginnings of 19 century]. Saratov, 2002. 39 p. (In Russ.).

---

20. Petrov F.A. Skladyvanie sistemy universitetskogo obrazovanija v Rossii [Folding of system of university education in Russia]. Ponomareva V.V., Horoshilova L.B. (eds.). *Universitet Dlja Rossii* [University for Russia]. Moscow, 2001. 368 p. (In Russ.).

21. Roginsky V. Dnevnik finljandskogo studenta. Jerstrem Je. G. Dlja menja i moih druzej [Diary of the Finnish student]. *Nashe nasledie* [Our heritage], 1991, no. 5, pp. 5–9. (In Russ.).

22. Tartakovsky A.G. *Russkaja memuaristika 18 – 1-j poloviny 19 veka* [The Russian memoirs 18 – 1 half of 19 century]. Moscow, 1991. 288 p. (In Russ.).

23. Troitsk Yu.L. Analitika jeho-dokumentov: instrumental'nyj resurs istorika [Analitika of an ego documents: a tool resource of the historian]. *Istorija v jeho-dokumentah. Issledovanija i istochniki* [History in an ego - documents. Researches and sources]. Ekaterinburg, 2014. 368 p. (In Russ.).

24. Horoshkin Ya.M., Morokhin A.V. *Pis'mo N. M. Karamzina iz Nizhnego Novgoroda (janvar' 1813 g.)* [N. M. Karamzin's letter from Nizhny Novgorod]. Erstrem E.G. *Puteshestvie iz Moskvy v Nizhnij Novgorod* [The Travel from Moscow to Nizhny Novgorod]. Nizhny Novgorod, 2013. 293 p. (In Russ.).

25. Erstrem E.G. *Puteshestvie iz Moskvy v Nizhnij Novgorod* [The Travel from Moscow to Nizhny Novgorod]. Nizhny Novgorod, 2013. 293 p. (In Russ.).